

ПРОЛОГ

Эни

Девять паршивых минут. Именно столько требуется врачу, чтобы сообщить плохие новости. Кто-то подумает, что на это может уйти весь день, учитывая всю торжественность момента и вытекающие отсюда последствия, а возможно, и соболезнования касательно того, что ждет впереди. Нет, врач предельно деловит.

Ну что ж. Нельзя сказать, что сообщение стало для меня неожиданностью: мне прекрасно известно, как могут развиваться события — именно такого исхода я всячески надеялась избежать.

Доктор вкратце обрисовывает нам детали, и мама тут же с рыданиями выбегает из палаты. Возвращается она через полчаса, протягивает новенький ежедневник.

Дневник?

Я-то думала шоколадку или новое платье, чтобы как-то меня взбодрить. Но нет, она приносит ежедневник и ручку. Говорит: что бы ни произошло — плохое или хорошее, — она хочет, чтобы следующие несколько месяцев запомнились мне навсегда.

— Пусть это станет твоими воспоминаниями, — советует она. — Запечатлей на бумаге красоту каждого нового дня. Нарисуй картину словами.

Хм... *Ладно*. Настоящая художница в нашей семье — моя младшая сестра Бри, но с учетом обстоятельств я понимаю, почему мама захотела, чтобы я выплеснула свои мысли и чувства на бумаге.

Для потомков... если только у меня они будут.

Когда мама протягивает мне ежедневник, в палате помимо нас находится еще и медсестра — она согласна с мамой: большим в моем положении полезно записывать то, что они пережили (или что переживают сейчас), это помогает им бороться с возможными осложнениями. Она говорит, что у психологов это называется «экспрессивная психотерапия».

Отлично... теперь я еще сама себе психотерапевт.

Чтобы убедиться, что делаю все правильно, я уточняю у медсестры, как мне начать: с сегодняшнего дня или вернуться к прошлому? Она предлагает описывать с того момента, когда все началось, — чтобы во всем разобраться и разложить по полочкам.

Это просто... все началось с бабочек.

Вообще-то эти бабочки появлялись и исчезали и до этого, вернее, это было что-то вроде бабочек, если вы понимаете, о чем я. Они просто появлялись и исчезали. Потом, когда мне исполнилось пятнадцать, с ними начали происходить метаморфозы — бабочки стали больше, заметнее. Хотя я ничего против них не имела. Они побуждали меня действовать. Заставляли сосредоточиться. Подталкивали к новым достижениям.

Каждый раз в бассейне, ступая на стартовую тумбу, я чувствовала в животе трепет бабочек. Иногда они даже поднимались выше, к груди, а потом опускались вниз по рукам.

Тренер советовал не обращать внимания на нервозность, однако я ждала этого возбуждения, любила его — потому что всегда плыла быстрее, когда боялась.

Год назад, перейдя в старшую школу, я знала, что я самая быстрая девочка в команде, хотя выкладывалась лишь процентов на семьдесят пять, полагая, что «равнодушная толпа»

будет любить меня больше, если я не всегда буду выигрывать. Видимо, я опасалась бабочек, а не использовала их в качестве преимущества над соперницами.

Как бы там ни было, в девятом классе моя стратегия потерпела поражение, поэтому в десятом я стала действовать по-другому: «Победа любой ценой! И не оглядываться назад!» Друзей у меня было не больше, чем в то время, когда я намеренно проигрывала, но, по крайней мере, меня стали уважать. *Я так думаю.*

В тот день, когда все изменилось, проходил чемпионат штата Орегон по плаванию. Я была заявлена на шести дистанциях. Пять из них я уже выиграла, установив три личных рекорда и один новый рекорд штата.

Бабочки просто взбесились!

Когда я взобралась на тумбу для последнего заплыва, стоящая рядом со мной соперница как раз встряхивала руками и ногами, чтобы снять напряжение. Ее звали Бьянка, она училась в той же школе, что и я. В финальном заплыве на четырехста метров вольным стилем от нашей школы участвовали только она и я.

— Удачи, Энн, — пожелала она, чем несказанно удивила.

Я случайно узнала, что Бьянка всей душой меня ненавидит. Она старше меня и не позволит себе проиграть такой «малявке», как я. Она и имя-то мое знала только потому, что оно постоянно значилось перед ее именем в таблице лидеров.

— Спасибо. Тебе тоже.

Она засмеялась и сказала, что пошутила. Потом прошептала так, чтобы услышала только я:

— Надеюсь, что ты утонешь.

Бабочки у меня в животе затрепетали еще неистовее. Я сосредоточилась на них, а не на подлой девчонке слева от меня. Пусть эти пару минут ненавидит меня столько, сколько ей хочется, но последней на чемпионате штата буду смеяться я. Встряхнув руками, я надела очки и глубоко вздохнула.

И тут же в громкоговоритель объявили:

— Участники, на старт.

Шапочка на месте? На месте. Мышцы напряжены? Напряжены. Бабочки трепещут? Трепещут. Все системы готовы.

Свисток... и я стартовала!

В воде все кажется идеальным. Это моя стихия — смотреть на дно бассейна, быть выше критики тех, кто не может меня догнать. Когда я после первого нырка возникаю на поверхности, я уже впереди. Несколько мощных гребков — и отрыв увеличивается. Заплыв проходит быстро, но я быстрее. Вынырнув после второго разворота, я оглядываюсь и вижу, что почти на корпус оторвалась от ближайшей преследовательницы. Я тут же поняла, что могу притормозить и все равно с легкостью получу победу, но это не по мне. Я боец. Минувшие годы я сдерживалась — но теперь этому конец. Я оттолкнулась сильнее. Изо всех сил ударила по воде: победа — это хорошо, но новый рекорд — еще лучше. На отметке двести метров рекорд точно был!

Если бы я внимательно прислушалась между вдохами, то расслышала бы аплодисменты и приветственные крики. Среди зрителей у меня друзей нет (родных я не считаю), но я следила вид, что каждый сидящий на трибуне бассейна радовался за меня.

На бабочек в животе за минувшие сто метров, по большому счету, я внимания не обращала, но, когда пересекала отметку в триста метров, они начали по-настоящему возбужденно гудеть. Даже затрепетали крыльями у меня в груди. А потом неожиданно, впервые за все время, одна из моих послушных бабочек укусила меня! И больно укусила!

Именно это и стало началом моего кошмара — тем самым поворотным моментом, который изменил все.

После того как бабочка укусила меня в грудь, мир превратился в хаос.

Движение рук замедлилось. Я стала барахтаться, молотить руками по воде. Тонуть, а не плыть.

Я втянула носом воду, пытаюсь глотнуть воздуха, но боль была настолько сильной, что я запаниковала.

Дно бассейна сейчас было четче, чем когда-либо, и все приближалось.

Погружение в тот день было намного глубже, чем когда-либо раньше.

И темнее.

«Черт! — думала я в последние смазанные секунды, перед тем как темнота поглотила меня. — Пожелание Бьянки сбылось! Я тону!»

Господи, пожалуйста, не дай ей выиграть...

Лети домой, маленькая бабочка, лети домой.